

ОКТАВА

Утверждение жизни

Оркестр MusicAeterna и Теодор Курентзис исполнили Седьмую симфонию Шостаковича

Юлия Баталина

Худрук Пермской оперы активно занимает ещё одну нишу в храме великой музыкальной классики: Моцарт, Бетховен и Чайковский уже «застолблены», пришло время титанов советского времени — вслед за «Ромео и Джульеттой» и «Золушкой» Прокофьева пришёл черёд симфонического наследия Шостаковича. Пермский дирижёр давно присматривается к творчеству композитора, много говорит о нём во время встреч со зрителями, а практически приступил к его освоению с самого известного произведения композитора — Седьмой (Ленинградской) симфонии. Это не просто классика: произведение носит сакральный статус — это музыкальный образ Великой Отечественной войны.

Симфонический вечер 20 декабря был ожидающе торжественным, зрители приходили в театр в приподнятом настроении. Ажиотаж вокруг билетов был невероятный: продажи открыли внезапно, задолго до того, как начали продавать билеты на другие события декабря, и, несмотря на это, все места в зале были разобраны в полчаса. Подходя к театру, публика наблюдала давно забытое явление: на подступах со всех сторон дежурили жаждущие лишнего билетика.

В фойе становилось видно, что усилия пиар-службы театра, прививающей зрителям вечерний дресс-код, даром не пропали: обнаружить даму в зимних сапогах было практически невозможно, все щеголяли в «лодочках» на каблучках. Праздник есть праздник.

Первое, что обращало на себя внимание на сцене, — лес пюпитров. Когда музыканты оркестра MusicAeterna

начали занимать свои места, им было очевидно тесно: исполнение Седьмой симфонии требует на пару десятков музыкантов больше, чем малеровская симфония, которую играли на открытии Дягилевского фестиваля. В публике раздавались возгласы опасения, что музыканты, разыгравшись, могут упасть со сцены, и риторические вопросы, когда же будет построен новый зал.

Полтора часа музыки потребовали от зрителей огромного напряжения. Всё в этом концерте было большим, даже огромным, всё — на грани «чересчур»: грандиозные крещендо, мощные звуковые волны, которые накрывали зал, активное движение на сцене, от которого уставали глаза. Словом, это был концерт-приключение: не просто удовольствие от музыки, а необходимость пережить её сложность и мощь вместе с оркестром.

Конечно, игра музыкантов была безупречной, каждое соло доставляло

наслаждение продвинутому ушам. Лишь один упрек можно было бы предъявить этому исполнению: оно было очень красивым, таким красивым, что не хотелось думать о военных ужасах, которым посвящена симфония. Это была в первую очередь музыка о жизни, а не о смерти.

Симфония №7 — сюжетное произведение, и этот сюжет был подан музыкантами чисто и внятно. Эпизод нашествия начался с прозрачного пианиссимо, с еле слышного рокота барабана, который зазвучал очень деликатно, очень плавно и постепенно нарастал в крещендо, подобно барабанам в «Болеро» Равеля. Голос каждого инструмента сыграл свою роль: постепенно стали слышаться металлические взвизги, разногололица чуждой речи, грохот мощной техники — вся сложносочинённая, отчасти дисгармоничная полифония нашествия. В финале эпизода фортиссимо выросло до размеров цунами, звуковая мощь просто сносила с места. Стало понятно, почему музыканты оркестра советовали своим знакомым не покупать билеты в первые ряды — лучше подальше. Когда была сыграна первая часть, публика с облегчением задвигалась, зашушукалась, вспомнила о реальности.

После этого началось долгое, сложное, отчасти мучительное, отчасти сладостное возвращение к жизни. Курентзис изо всех сил удерживал музыкантов в медленном, трепетном адажио, в котором каждая мелодическая нить прорастала, словно трава на истоптанной врагом почве, и так — до финала, в котором снова и снова с маниакальной жадной высказаться звучит утверждение жиз-

ни. Раз за разом повторяется музыкальная фраза, внушающая снова и снова: «Мы выжили! Мы выжили! Мы выжили!» «Выжили» — это важнее, чем «победили».

Это было очень прочувствованное исполнение, в котором классические советские ценности уживаются с современными гуманитарными.

Понятно, что после концерта далеко не все слушатели поспешили по домам. Хотелось продлить послевкусие. Зрители выстроились в очередь, чтобы сфотографироваться на фоне баннера концертной программы, а у двери в кабинет Курентзиса столпились фанаты, протягивающие программки для автографов.

То, что никакие секьюрити не разгоняют эти толпы, никто не требует «дать человеку отдохнуть» и фанаты, проявив терпение, непременно дожидаются вождя автографа и фото, это тоже утверждение новых ценностей. Загадочный и «демонический» Теодор вдруг оказывается милейшим и очень открытым человеком.

Седьмая симфония Шостаковича сразу после концерта 20 декабря отправилась в концертный тур по городам России. Прекрасная традиция: все концертные программы, прежде чем показать их в России или за рубежом, MusicAeterna предъявляет дома, в Перми. Нынешнее турне особенное: среди прочих городов оркестр принимает Новосибирск, где когда-то MusicAeterna появилась на свет. Для многих музыкантов это очень эмоциональный момент: они возвращаются в родной город на новом этапе жизни и карьеры, когда уже достигнута мировая слава.

ФОТО АНТОН ЗАВЬЯЛОВ

